

И.А. Ревин

ИСТОКИ АГРАРНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ КАЗАКОВ И КРЕСТЬЯН НА ДОНУ

Традиционно большинство обывателей считает казачество однородной сословно-этнической группой. В то же время на протяжении всего XVIII столетия шел процесс трансформации донских старшин в дворянское сословие, который был завершен в начале XIX в. И если на военной службе казаки по-прежнему выступали как единая сила, то в мирной жизни социально-экономическое расслоение привело к острому противостоянию донских старшин и рядовых казаков. Особую остроту со второй половины

XVIII в. приобрел аграрный вопрос, связанный с захватом старшинами войсковых и станичных юртовых земель и переселением на них приписных крестьян. С этого времени начались постоянные конфликты местного казачьего населения с пришлыми (а затем – иногородними) крестьянами, в которых казаки видели источник своего малоземелья. В начале XX в. это стало одной из ключевых причин жестокости гражданской войны в казачьих областях России.

Вплоть до середины XVII в., когда скотоводство, а затем земледелие стали основным источником дохода для донского казачества, земля на территории Войска не имела существенной ценности, и хотя формально она считалась войсковой собственностью, реального контроля над ее распределением и использованием не существовало. Только с середины XVIII в. войсковое правительство стало предпринимать первые попытки прекратить самозахват земли. К этому времени относится основание на Дону первых хуторов, начало крестьянской агроколониации, а также первое документальное свидетельство о несении донскими крестьянами феодальных повинностей¹. Уже к середине XVIII в. на Дону проживало значительное количество малороссиян, которых здесь называли «донскими черкасами». В 1763–1764 гг. была проведена их перепись: из 20 422 выявленных малороссиян мужского пола 8 626 человек примыкали к станицам, а 10 250 – к старшинам. Всех их обложили податью². После ревизии таких малороссиян стали именовать «приписными» или «податными». Старшины стали рассматривать приписных крестьян как крепостных, хотя последние имели право перехода.

Перепись малороссиян не остановила поток переселенцев на Дон. Ревизия 1782 г. отмечала наличие малороссийских казаков и крестьян, привлеченных слухами о привольной и выгодной жизни на Дону, которых войсковые чиновники под разными предлогами произвольно поселили на общественных войсковых землях, записывая за собой, и называли их крестьянами. Ревизия установила, что на Дону имеется у частных лиц – 19 123 малороссиян³.

Правительство пыталось предотвратить бегство малороссиян на Дон, но так как большое количество свободных рабочих рук было выгодно в первую очередь донской старшине, все меры не были эффективными. Малороссияне, бежавшие из украинских губерний, заселяли главным образом южные и юго-западные округа земли Войска Донского – Донецкий и Черкасский. Так, из 26 579 крестьян мужского пола, проживавших на территории Дона в 1782 г. (4-я ревизия), более половины осели в Черкасске и округе, а также в Верхнем Донском начальстве⁴.

Укрывательство беглых стало весьма распространенным и прибыльным делом для войсковой старшины. Не стеснялись этого незаконного «промысла» и войсковые атаманы. Так, после ареста С.Д. Ефремова в 1772 г. его имущество было описано. Среди прочего атаману принадлежало около 300 крестьян⁵ и это задолго до закрепощения донских крестьян. Еще около 1750 г. его отец войсковой атаман Данила Ефремов в юрте станицы Семи-

каракорской на р. Сал с разрешения станицы построил прудовую мельницу с обязательством ежегодно вносить в пользу станицы по 10 руб. за пользование юртовой землей. На мельнице работали пришлые малороссияне, которых позже записали за Ефремовыми. В конце XVIII в. в хуторе при мельнице проживало 13 приписных крестьян. В 1785 г. выше Ефремовской построил мельницу (ее назвали Сальской) другой войсковой атаман – А.И. Иловайский – и поселил там своих приписных крестьян. В конце XVIII в. при мельничном хуторе из 50-ти дворов проживало 169 крестьян⁶. Несмотря на то, что станичный круг дал разрешение на постройку мельницы, с течением времени казаки стали чувствовать притеснение со стороны приписанных за атаманом крестьян и беспрестанно писали жалобы, которые оставались без должного рассмотрения. Более того, на этой же реке при мельнице майора Ф. Барабанщикова проживало 52 крестьянина⁷. Хутора принадлежали не только старшинам, и казакам, но и некоторым крестьянам, причем численность крестьян в хуторах, принадлежавших казакам, иногда не уступала старшинским. Так, в поселке Ерофеев-Калитвенский казака Калитвенской станицы В. Ерофеева в 1763 г. проживало 40 душ мужского пола, а в хуторе Дубовник на реке Калитве (позже – крупная слобода Ефремо-Степановская) войскового атамана С.Д. Ефремова – 22 души мужского пола⁸.

Влиятельная старшина была не прочь увеличить собственные владения не только за счет станиц или путем все развивающейся покупки у великороссийских помещиков, но и за счет более мелких владельцев. В отношении к ним практиковалась не только переманивание, но и настоящий захват. К примеру, в 1768 г. приписные малороссияне, сбежавшие от казака Луганской станицы А. Стехина, пришли на жительство к вдове генерал-майора Краснощекова. Помещица приняла крестьян, так как они в юрте Луганской станицы были слишком стеснены в хлебопашестве, сенокосениях и других угодьях. У Краснощековой малороссияне оставались до 1786 г., и это несмотря на неоднократные жалобы Стехина и предписание Войска возвратить малороссиян законному владельцу. В результате длительных судебных тяжб Стехин вынужден был «уступить» своих малороссиян старшине Краснощекову.

Донские старшины безнаказанно отнимали у мелких владельцев не только крестьян, но и целые хутора. Так, 26 мая 1796 г. казаки Филоновской и Березовской станиц жаловались войсковому атаману А.И. Иловайскому, что их урочище Высокая Дубровка захватил подполковник Семен Курнаков. Сначала он построил мельницу и дал обещание казакам не заводить там никаких строений, «кроме одного мельника», но спустя года четыре поселил при мельнице 6 дворов малороссиян, от которых, тем не менее, казаки «обиды ни в чем не чувствовали». Затем пришло в те хутора множество малороссиян, желающих приписаться за подполковником Курнаковым. Приказчик измерил им в тех казачьих хуторах места, где они начали строиться, «беспошадно» рубить для этого лес и ставить свои избы, разрушая постройки казаков. С весны 1795 г. до мая 1796 г. они построили 85 изб,

самовольно распахали землю, а в наступивший сенокос посогнали всех казаков с их сенокосом: выехали в количестве «большем ста человек» и покосили всю траву. Казаки пожаловались об этом «насилии» старшине И. Турчанову, но тот отказался вмешиваться, заявив, что запретить малороссиянам косьбу сенокосов не может. Малороссияне накопили сена столько, что зимой излишки продавали в другие хутора. На следующую весну малороссияне снова «с умыслом» распахали хуторские казачьи земли и посеяли свой хлеб, а сенокосами завладели окончательно, забирая всякий пойманный на них скот и отпуская его лишь за большой выкуп. Кроме того они завладели и лесом, сделав его для всех хуторян «заповедным»: не допускали туда никого, а у осмелившихся проникнуть изымали топоры и скотину. Старшина же Турчанинов, вместо того, чтобы принимать меры против такого самоуправства, «из одного подполковнику Курнакову дружеского уважения», как объясняют казаки, давал к этому только повод, почему обиженные хуторяне и вынуждены были обратиться к самому атаману, прося его о выселении малороссиян Курнакова, а за причиненный убыток скота взыскать с них натурою или деньгами по приложенному реестру. В ответ на эту просьбу войсковое гражданское правительство определением от 26 июня 1796 г. назначило подполковника Н. Астахова и старшину И. Андриянова расследовать все это дело. Однако такого расследования почему-то не последовало, и определением от 18 декабря того же года им снова было предписано учинить новое расследование⁹. Неизвестно чем оно окончилось, но слобода Семена Курнакова Высокая Дубровка продолжала существовать, а ее население год от года возрастало.

На тех же крестьян Курнакова жаловались и казаки Филоновской станицы, отмечая, что после того, как малороссияне выкосили у них сенокос, они, обиженные, обратились к обидчикам с просьбой отдать им половину, но вместо этого были жестоко избиты и преследуемы до самых домов, где также были «бесчеловечно истерзаны» веревками. И в таком виде были отправлены к старшине Турчанинову, который вдобавок еще и обвинил казаков, а в знак примирения предложил малороссиянам продать казакам «третью копну с покоса по 20 коп. за каждую». Подобные «насилия» крестьяне Курнакова делали не только по отношению к простым казакам, но и в отношении к знатым особам. Например, малороссияне слободы Мачихи чинили аналогичные притеснения майору К. Мелехову. И когда последний не нашел защиты у ближайшего начальника, войскового есаула И. Золотарева, то вынужден был обратиться с жалобой в Бузулуцкое сыскное начальство¹⁰.

Так свободно и независимо чувствовали себя малороссияне, приписавшись за каким-нибудь влиятельным владельцем.

На рубеже XVIII–XIX вв. на Дону наблюдался особенно большой прилив беглых крестьян из разных губерний, охотно принимавшихся донскими помещиками. Генерал-губернатор Новороссии И.И. Михельсон 9 июля 1800 г. доносил императору Павлу I, что в мае из Бахмутского уезда ушло в земли Войска Донского целое селение крестьян и что в хуторе полковника Мешкова

произошло побоище с преследовавшими этих крестьян (Позже полковника Мешкова за укрывательство беглых снимут с должности и отправят в отставку. – *И.Р.*), а 22 июня от прапорщика Рудченко из его селения на реке Кальмиус бежало на Дон 150 крестьян мужского пола с семьями. Из других поселений крестьяне также намеревались уйти, но, не имея у себя команды, он не мог их задержать, да и из других губерний крестьяне также уходили на Дон. Донося об этом, генерал Михельсон добавляет, что он дважды писал войсковому атаману В.П. Орлову, чтобы тот принял меры¹¹. В рескрипте войсковому атаману Орлову от 23 июля 1800 г., № 483, император Павел I писал, что побег в пределы донские не только не прекращаются, но еще и учащаются, поэтому наместо-жайше повелел «пресечь сии неурядица». В ответ Орлов вернул беглых Рудченко и заверил, что ни одна душа более не попадет на Дон из беглых: он удвоил разъезды по границе Войска, особенно с Новороссийской губернией.

Одновременно шло расследование дела о приеме донскими помещиками беглых крестьян из разных губерний. 7 марта 1800 г. в Черкасск прибыл генерал-лейтенант К.Ф. Кноринг, а 5 августа – генералы И.И. Репин и С.А. Кожин, которые и занялись расследованием. Основными подозреваемыми были видные донские помещики отставной генерал от кавалерии Алексей Васильевич Иловайский 1-й и его сын генерал-майор Павел Иловайский, которых для дознания 15 апреля отправили в С.-Петербург. Дело кончилось тем, что, «пораженные висющим над их главами мечом правосудия», донские помещики-чиновники стали стекаться в Черкасск, где «в собрании между собою вину, открывшуюся в приеме и держательстве беглых людей... сознавая общею, единодушно положили принести... добровольное и чистосердечное рабское признание, во оправдание которого все чиновники Войска Донского всех беглых, какие есть ныне в пределах земли Войска, по команде представить»¹². Среди «кающихся» были генералы Мартынов, Иловайский, Ефремов и другие. Императорским рескриптом было указано судить только тех, кто уже арестован за принятие и скрывание беглых, а остальным «следствия не делать». После воцарения Александра I, 27 мая 1801 г., Иловайские благополучно вернулись в Черкасск.

Поселение крестьян на юртовых землях стало таким обычным делом, что этим не пренебрегал и легендарный донской атаман М.И. Платов, за которым по 5-й ревизии значилось 2 687 душ мужского пола¹³. В 1801 г. он попал под суд за прием и укрывательство беглецов, но после объяснения был признан невиновным и от суда свободным¹⁴. Освоение хуторов было как легальным, по решению станичного схода¹⁵, так и нелегальным, на правах заимки, поэтому большая часть поселенных атаманом крестьян проживала «законно» с разрешения местных властей.

Силовыми мерами массовый характер бегства крестьян на Дон удалось лишь временно приостановить, но общей картины они не изменили. Так, если по 5-й ревизии (1795 г.) число малороссиян и крестьян составляло 58 492 души мужского пола, то по 6-й (1806 г.) и 7-й (1817 г.) – 76 857 и 78 991 соответственно¹⁶. При этом расселение крестьян на территории Дона было

неравномерным: около 70 % сосредотачивалось на северо-западе Войска Донского, прежде всего в Донецком и Миусском округах¹⁷.

Крестьяне обычно селились небольшими хуторами до 10 дворов. Таких хуторов в Войске Донском в начале XIX в. насчитывалось 228, и они составляли 44,5 % всех крестьянских поселений¹⁸. Многолюдные крестьянские слободы располагались в основном в Миусском и Донецком округах, но особенностью донских слобод было то, что они не испытывали потребности в земле, так как их владельцам принадлежали огромные «довольствия»¹⁹. Неизвестно количество земли, которой пользовались донские крестьяне в этот период, но, судя по обилию хлеба у них, большим запасам его от прежних лет, надо полагать, что они не были ограничены в пользовании землей, и наступление помещичьего сельского хозяйства выражалось лишь в увеличении того количества труда, которое это хозяйство требовало от крепостных крестьян. Крестьяне держали много скота, от продажи которого, а также от хлебопашества, получали существенные доходы²⁰.

Действительно, в первой половине XIX в. трудностей с обеспеченностью землей у донских крестьян не было. Более того, по сравнению с казачьими наделами, количество земли в помещичьих владениях отличалось на порядок. Большинство донских помещиков на каждую душу своих крестьян имели от 100 до 300, а некоторые – от 500 до 1000 дес.²¹ В 20-е гг. XIX в. количество земли в юртовых довольствиях станиц Войска Донского составляло от 8 3/4 до 38 дес. на душу, в то время как в помещичьих имениях оно в среднем колебалось от 138 до 290 дес.²² Не вся помещичья земля приходилась на долю крестьянской запашки. Более того, не вся земля вообще обрабатывалась, так как по-прежнему у крупных землевладельцев значительное место в структуре сельскохозяйственного производства занимало скотоводство. Однако количество земли на душу населения в земледельческих районах – Миусском и Донецком начальствах – также свидетельствовало о больших возможностях для развития не только помещичьего хозяйства, но и собственно крестьянского.

Обеспеченность землей донских крестьян существенно колебалась и зависела от целого ряда обстоятельств: месторасположения помещичьего владения и его размеров, товарности помещичьего хозяйства, его специализации и т.д. Так, накануне отмены крепостного права она колебалась от 2,5²³ до 11 дес., при этом средний крестьянский надел в Миусском округе равнялся 4,5 дес., Донецком – 6,5, Первом Донском и Втором Донском – 8 дес.²⁴ Неограниченные возможности для развития собственно крестьянского хозяйства в дореформенный период подтверждает известный донской историк и помещик А.А. Карасев. В частности он пишет: «В одном имении у меня есть 28 душ крестьян, которые пользуются пространством земли в 12 верст в длину и 7 верст в ширину (Примерно 8 400 дес., то есть по 300 дес. на душу. – *И.П.*). Крестьяне этого имения живут в тех местах с начала настоящего столетия, привыкли совершенно к приволью, оказались, и как же они, не поломавшись, примут взамен своих угодий (После отмены крепостного права в 1861 г. – *И.П.*) какие-нибудь 4 дес. на душу»²⁵ ?

С начале XIX в. войсковая администрация стала предпринимать активные меры против незаконно основанных поселений. Так, в 1802 г. Войсковая канцелярия, хотя и оставила войсковые земли на «том самом основании, какое от древности существует», но решила некоторые заведенные прежде на «пустопорожней» войсковой земле хутора и поселки частных людей перенести в такие места, где не могло быть «никому стеснения», а освобожденные земли сделать «казачьими станичными довольствиями»²⁶. При этом «пустопорожние» войсковые земли раздавались из станичных юртов только тем чиновникам и казакам, которые не имели хуторов. Многочисленными указами в 1802 г., 1806 г., 1809 г. и последующие годы ограничивалась аренда земельных наделов, так как «некоторые чиновники войска Донского, испросивши от сей Канцелярии дозволения на заимку ко собственному продовольствию их в разных местах войсковую землю, сами не заселяют оной и запрещают согражданам своим пасти там скот, а другие отдают в довольствие иногородным под пастьбу скота, по-видимому, на каких-либо условиях»²⁷. Эти меры несколько улучшили земельное «довольствие» казаков и ослабили противоречия между местным и пришлым населением. Но ненадолго.

Крестьяне, приходившие на Дон, самостоятельно поселялись на «пустопорожних» войсковых, помещичьих или юртовых землях, занимая их под посевы, сенокосы, что неизбежно приводило к столкновениям с казаками. Недовольство простых казаков, не пользовавшихся правом владеть крепостными людьми, росло и обнаруживалось иногда в довольно резкой форме. Ссоры и драки между крестьянским и казачьим населением доходили иногда до кровавых столкновений. Казаки, постоянные зачинщики этих столкновений, «не могли подавить в себе чувства несправедливости, будучи стеснены в своих коренных угодьях пришлым элементом – крестьянами, имевшими столь сильную опору в своих помещиках, бывших тогда большей частью из людей именитых»²⁸. О недостатке юртовых «довольствий» свидетельствует тот факт, что в 1818 г. на каждого казака формально приходилось по 82 дес. удобной земли, на самом же деле же многие станицы имели лишь по 6–11 дес. на душу. Такая колоссальная разница была вызвана тем, что донские старшины сосредоточили в своих руках настолько огромные территории, что на каждую «ревизскую душу» крепостных крестьян, закрепленных за помещиком, ему, помещику, приходилось от 100 до 1 000 дес.

Огромные земельные владения старшин привели к широкому распространению арендных и субарендных отношений: землю сдавали в аренду не только сами старшины, но и «пересдавали» иногородние купцы, а иногда и помещичьи крестьяне. Отсутствие вотчинной администрации во многих слободах и поселках, а также хорошая по сравнению с рядовыми казаками обеспеченность землей приводили к тому, что «излишки» земли крестьяне сдавали малоземельным казакам и иногородним. Особенно часто такой аренде подлежали пастбища и луга, так как юртовые довольствия рядовых казаков постоянно сокращались.

В первой четверти XIX в. правом частной собственности на землю владели только потомственные донские дворяне и чиновники войска Дон-

ского. Служилых и отставных чиновников насчитывалось менее 3 000. Владели же они 3 792 448 дес., или 27 % всех удобных и неудобных войсковых земель, не считая земель в войсковых степях, которые чиновники использовали под выпас скота и разведения конных табунов, а также земель, фактически принадлежавших чиновникам внутри отдельных юртов казачьих станиц²⁹.

Однако в помещичьих хозяйствах крестьян не хватало. В.Б. Броневский, посещавший Дон в 20-х годах XIX в., писал, что «некоторые чиновники, захватив тысяч до 40 и более десятин земли, не имеют на них и 500 душ»³⁰. Например, поселок Западельский, принадлежавший графу М.И. Платову, находившийся в пределах юрта станицы Багаевской, занимал 6 277 дес.³¹, а проживало в нем всего 29 крепостных крестьян³². По свидетельству, относящемуся к 1823 г., «обширнейшие имения на Дону принадлежат детям, потомкам, либо родственникам бывших атаманов, непрямых членов, ассессоров и даже дьяков войсковой канцелярии, как лиц, недвижно оставшихся на Дону, прочие же чиновники войска, главное число составляющие и непрестанно служившие вне войска, с полками, – или вовсе крестьян не имеют, или весьма уже мало»³³. По подсчетам И.И. Игнатович, в среднем на каждого донского помещика приходилось от 30 до 40 душ, а около 2/3 всех крепостных принадлежало крупным и средним помещикам³⁴.

Огромные земельные пространства, заселенные крестьянами, вызывали зависть казаков. Современник так описывал эту ситуацию: «Представьте себе в середине юрта имение, состоящее из 40 душ крестьян, которое обладало отличнейшими угодьями, занимающими 40 и более квадратных верст, между тем как рядом с этим же имением жили хуторяне-казаки, довольствовавшиеся мизерным лужком и таким же лесом. Если к этой разнице положения прибавите еще мысль, что станичники считали и считают себя господствующим населением, а крестьян пришлым, то пред вами уже несколько оправдается зависть, делавшая казаков зачинщиками многих ссор и даже кровавых столкновений с крестьянами»³⁵. Ему вторил известный знаток экономики Дона С.Ф. Номикосов: «Экономическая неправда охватывала казаков, а за нею по пятам шло обеднение народных масс и невероятное процветание выделившейся в особое сословие войсковой старшины. Живя в скромном домике, добывал свой хлеб с незначительного по тому времени земельного пая, казак, и в то же время дворянство донское, владея 150 тысячами душ крестьян обоего пола, раскинуло свои обширные поместья на привольных степях и устроилось с роскошными барскими затеями, заведя сады, оранжереи, певчих, музыкантов, невероятное количество собак и лошадей для охоты и все прочие атрибуты... крепостного права»³⁶.

Чтобы ограничить рост помещичьего землевладения за счет станичных юртов, в 1819 г. был образован Комитет по пересмотру положения о Войске Донском (Донской комитет). Одной из его главных задач стало разделение между собою двух враждующих элементов населения и ограничение громадных «довольствий» поместных чиновников, наделив излишками земли казаков и чиновников, которые не успели приобрести потомственной собственности³⁷. Этот комитет был создан по инициативе

войскового атамана А.К. Денисова, но в его состав император Александр I ввел и генерал-адъютанта А.И. Чернышева, назначенного в начале 1821 г. председателем комитета. Между Чернышевым и поместным дворянством развернулась непримиримая борьба за направление реформ. Донская аристократия всячески стремилась получить потомственные права на захваченные ими общественные земли. Правительство же, в лице Чернышева, исходя из задач на перспективу, считало нужным ослабить экономические и политические позиции крупнейших землевладельцев в Донском войске, повысить экономическое благосостояние казачества и тем самым усилить боеспособность всего Войска³⁸.

Из казачьих станиц в Комитет потоком шли жалобы на притеснения как со стороны помещиков, так и со стороны их крепостных. Казакам приходилось арендовать сенокосные угодья не только у самих землевладельцев – донских помещиков, но и у «помещичьих арендаторов» – иногородних и крестьян. Так, жители станицы Каменской в 1821 г. писали, что «наиболее же стесняется станица помещиками, как-то по правой стороне Донца помещика Белгородцева, состоящим на речке Каменке. В юрте станичном на вовсе место выпросил он в станице для одного скотоводства, а после населил и крестьян... помещики излишность земли отдают на откуп иногородним под попас скота, равным образом и казаки достают у них и крестьян их сенокосные места покупкою»³⁹. Казаки Вешенской станицы хотели расширить свои наделы за счет возврата станичных «довольствий» на речке Яблоновой, Большой и Пономаревке, которые временно были заняты помещиками Иловайскими, Астаховыми и Канковыми. Недовольство казаков вызывало то, что помещики «за удовлетворением себя и людей своих еще отдают иногородним купцам», которые пересдавали угодья казакам по завышенной цене⁴⁰. О том, какой размах получил захват юртовых земель, свидетельствует тот факт, что в 1821 г. по всему Войску Донскому на юртовых землях было поселено 13 762 крестьянина обоего пола, на войсковых – 4 271, на «довольствиях» частных конских табунов – 1 559 крестьян⁴¹. Это привело к тому, что многие станицы в первой половине XIX в. имели всего по 18, или даже 11 дес. на душу, в то время как у помещиков на ревизскую душу их крестьян приходилось от 100 до 500 и более дес.⁴²

Донской комитет, анализируя процесс захвата войсковой земли, пришла к выводу, что «своевольство и неправосудие достигли высочайшей степени, все зависело от одного произвола местного начальства и от связей лиц, оное составляющих. Потомки атаманов, членов Канцелярии, полковых командиров и теперь обладают важнейшими на Дону имуществами, как по количеству крестьян, так по обширности и выгодам захваченных земель. Число сих избыточных владельцев в отношении к общему числу донских чиновников весьма малозначашее; главнейшая же часть их или владеет небольшими поселениями, или вовсе таковых не имеет... Войсковое начальство, действовавшее столь произвольно и безотчетно, тщательно старалось скрывать от сведения правительства внутреннее состояние Донского края, и устранять от онаго всякой посторонний взгляд под покровом древних Войсковых распорядков и обычаев»⁴³.

Неспособность императорского правительства и войсковой администрации остановить рост дворянского землевладения за счет казачьих наделов привела к тому, что станичные власти пытались самостоятельно переломить ситуацию. Так, в феврале 1824 г. казаки Калитвенской станицы «на полном станичном собрании единогласно приговорили казаку А. Хорошилову и прочим жителям станицы... в урочищах называемого Белого Колодезя занимать вновь поселением хутора запретить (а нынешние заведенные или построенные приказать с означенного места перевести немедленно). Дабы станичным табунам в продовольствии притеснения никакого не знали, а в случаях каких-либо в том станице прекословить, о том донести высшему начальству»⁴⁴.

Другим направлением выхода из кризиса стало появление «выселок», причем не только от станиц, но и некоторых хуторов. Так хутор Харьков Каменской станицы первоначально являлся «выселкой» хутора Филиппенкова⁴⁵.

Однако несмотря на предпринятые станицами меры, они не решили основной задачи – ограничения помещичьего землевладения в пределах юртов.

Примечания

¹ *Пронштейн А.П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов-н/Д, 1965. С. 195; РГВИА. Ф. 13. Оп. 107. Св. 105. Л. 884.

² История Дона и Северного Кавказа. Ростов-н/Д, 2001. С. 214.

³ *Лунин Б.В.* Очерки истории Подонья–Приазовья. Ростов-н/Д, 1951. С. 140.

⁴ ГАРО. Ф. 341. О. 1. Д. 179. Л. 106.

⁵ *Савельев Е.П.* Древняя история казачества. М., 2002. С. 435.

⁶ РГВИА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 15. Л. 302–310 об.

⁷ История Дона и Северного Кавказа. С. 192.

⁸ *Сулин И.* Сборник материалов по истории заселения казачьих станиц и хуторов Донецкого округа. Т. 3. Ч. 2 (Новочеркасский музей истории донского казачества (НМИДК). КП-14900. РКФ 2706. С. 102, 289).

⁹ *Марков К.В.* Крестьяне на Дону // Сборник Области войска Донского статистического комитета (СОВДСК). Вып. XIII. Новочеркасск, 1915. С. 87–89.

¹⁰ Там же. С. 89–90.

¹¹ *Жиров М.С.* К делу о приеме беглых на Дону. // СОВДСК. Вып. XIII. Новочеркасск, 1915. С. 174–175

¹² Там же. С. 171–187.

¹³ *Коришиков Н.С.* Родословная потомственных дворян войска Донского и графского рода Платовых // Ученые записки ДЮИ. 1999. Т. 12. С. 69.

¹⁴ *Жиров М.С.* Гражданский суд над Платовым 1801 г. // СОВДСК. Вып. X. Новочеркасск, 1911. С. 109.

¹⁵ *Сулин И.* Указ. соч. Т.3. Ч. 1 (НМИДК. КП-14900 РКФ 2705. С. 79, 105, 116).

¹⁶ ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 179. Л. 3.

¹⁷ *Лунин Б.В.* Указ. соч. С. 174.

¹⁸ Земля в судьбах донского казака. Собрание историко-правовых актов 1704–1919 г. Ростов-н/Д, 1998. С. 80–95.

¹⁹ *Броневский В.Б.* История Донского войска. Ч. 2. СПб., 1834. С. 252; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 934. Л. 7–16.

²⁰ *Игнатович И.И.* Крестьянское движение на Дону в 1820 году. М., 1937. С. 87–89.

²¹ *Игнатович И.И.* Указ. соч. С. 23; *Шульман Э.А.* Земельные отношения в Подонье и Приазовье в первой половине XIX века. Ростов-н/Д, 1991. С. 81.

²² Земля в судьбах донского казака... С. 134–144.

²³ ГАРО Ф. 429. Оп. 1. Д. 410. Л. 11.

²⁴ ГАРО Ф. 213. Оп. 1. Д. 288.

²⁵ *Карасев А.А.* Донские крестьяне. // Труды Области войска Донского Статистического комитета. Вып. 1. Новочеркасск, 1867. С. 105.

²⁶ *Лишин А.А.* Акты, относящиеся к истории войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Т.III. Новочеркасск, 1894. № 124. С. 223–224.

²⁷ *Лишин А.А.* Указ. соч. № 124. С. 219–224; РГВИА Ф. 331. Оп. 1. Д. 15. Л. 41–41 об., 42 об.–43 об.

²⁸ *Ветчинкин В.Н.* Очерк поземельного владения на Дону в связи с развитием межевания // Труды Области войска Донского Статистического комитета. Вып. II. Новочеркасск, 1874. С. 36.

²⁹ *Лукин Б.В.* Указ. соч. С. 143.

³⁰ *Броневицкий В.Б.* Указ. соч. С. 252.

³¹ *Игнатович И.И.* Указ. соч. С. 27.

³² Дон и степное Предкавказье, XVIII – первая половина XIX века: заселение и хозяйство. Ростов-н/Д., 1977. С. 37.

³³ Сборник Русского исторического общества. Т. 121. СПб., 1906. С. 397.

³⁴ *Игнатович И.И.* Указ. соч. С. 24.

³⁵ *Карасев А.А.* Указ. соч. С. 83.

³⁶ *Номикосов С.Ф.* Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. С. 39.

³⁷ РГВИА. Ф. 14257. Оп. 1. Д. 23. Л. 6.

³⁸ Земля в судьбах донского казака... С. 36.

³⁹ РГВИА Ф. 331. Оп. 1. Д. 15. Л. 345, 350.

⁴⁰ Там же. Л. 183–185.

⁴¹ РГВИА Ф. ВУА. Д. 18714. Л. 1; *Коришков Н.С.* Общественно-политическое движение в Области войска Донского, конец XVIII–первая половина XIX вв. Дисс.... канд. ист. наук. Ростов-н/Д, 1987. С. 48.

⁴² РГВИА Ф. ВУА. Д. 934. Л. 7–16; Земля в судьбах донского казака... С. 134–144.

⁴³ ОПИ ГИМ. Ф. 230. Оп. I. Д. 5. Л. 2–3.

⁴⁴ *Сулин И.* Указ. соч. Т. 3. Ч. 1 (НМИДК. КП-14900. РКФ 2705. С. 79).

⁴⁵ Там же. С. 181.